

**ФЕНОМЕНЫ
ФЕТИШИЗМА И
МИФОЛОГИИ МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ И
НАСТОЯЩИМ**

В общественном сознании происходят качественные изменения в осмыслении духовных процессов современного мира, идет пересмотр многих научных позиций, по-новому оцениваются устоявшиеся концепции и теории. Прежде всего, необходимо отметить постоянный интерес ко всему многообразию оттенков человеческого познания.

Теоретико-познавательная мысль каждой эпохи, будучи преемницей всех предыдущих основных ее направлений, но развиваясь на качественно ином уровне, определяет свой предмет исследования, другой круг интересов, вырабатывает собственный язык описания и объяснения явлений окружающей действительности, образуя тем самым новую культурно-историческую целостность. В этой связи актуальная задача современной теории познания заключается не только в теоретическом осмыслении феноменов понимания мира нашими предшественниками, но и в том, чтобы адекватно и ясно показать некоторые содержательные и логические параллели, раскрыть онтологические структуры и механизмы знания, продемонстрировать предметную объемность и плюрализм концепций познания и осмысления мира. Исходя из сказанного, показательна трансформация взглядов на природу, сущность и функции фетиша и мифа.

Фетишизм – одна из самых ранних форм культуры. Феномен фетишизма в истории культуры имеет глубокие корни. Нельзя, однако, полагать, что, появившись в момент становления культуры, фетиш остается неизменным на протяжении тысячелетий. Соответственно изменениям фетишей меняются и мифы, которые для фетишей являются способом существования. В анализе архаического общества и общества современного можно проследить трансформацию фетишизма, которая обусловлена изменением самой культуры.

Прежде чем обратиться к фетишам и изменениям, которые они претерпевают, по-видимому, необходимо уделить внимание собственно культуре. Культура начинается тогда, когда человек начинает выделять себя из природы, заботясь об улучшении внешних условий своего существования, вначале преобразуя природный материал, а далее, создавая не просто приспособленные, а новые, не существующие в природе предметы. Пер-

воначальная локальность культур предопределена замкнутостью появившихся общностей. В дальнейшем локальность преодолевается их взаимным проникновением в друг друга и взаимным влиянием. Культура из способа выделения и обособления превращается в условие объединения. Культуру нельзя представлять дискретным явлением, как это пытаются сделать некоторые философы [1]. Не может появиться сначала «современный мир», а затем на его основе культура, так как «современный мир», как и «архаический мир», и прочие миры, – все это культурный феномен. А ставить вопрос о субординации – значит заблуждаться. Культура, переживая моменты, не умирает, а изменяется, сохраняя накопленное положительное и, приспособлявая архаическое (в данном случае речь идет не о вещах, предметах, фактах, а о принципах), к новым условиям. Таким архаическим, приспособленным к новым условиям принципом является фетишизм, сохраняющийся до сегодняшнего дня, с той лишь разницей, что меняются объекты фетишизации и мифы, в центре которых данные объекты.

Мифология и фетишии в пределах архаического общества

Для архаического человека фетиш необходим, как условие освоения мира. Результатом такого освоения является не только наличие фетиша, но и миф об этом фетише (его, фетиша, «биография»). Архаический фетишизм был следствием осознания несвободности и ограниченных возможностей человека, а также результатом наделения магическими свойствами не столько действий человека, сколько предметов, вовлеченных в магическую деятельность.

В системе архаического сознания магия, тотем, фетиш – явления одного порядка, формирующие религию, а на более позднем этапе – собственно религия. Фетиши сопутствуют магии и тотемизму. Фетишизм способствовал превращению магии «из иллюзорного образа мыслей о человеческой деятельности в иллюзорный взгляд на объективный мир» [2].

Тотемизм – осознание человеком своего единства, своего родства с природой и, прежде всего, с животным и растительным миром – значительно расширил познавательную активность древних людей, ускорил развитие производственной деятельности, способствовал осознанию необходимости регулировать численность промысловых животных, растений, а также численность родового коллектива, породил всевозможные способы этого регулирования, в том числе и обрядовые.

Например, основой искусства древних саков, обитавших преимущественно в Южном Казахстане, был звериный стиль, довольно широко распространенный во всей Средней Азии и Южной Сибири. Суть данного стиля, как показал ее исследователь М. Орынбеков, заключалась в том, что воспевались боевые животные-тотемы, от которых вели свое происхождение племя или род. Чаще всего это были волки, изображениями которых кочевники-саки обычно украшали мечи, кинжалы, конскую сбрую, колчаны, знамена. Наряду с волками изображались также тигры, кабаны, орлы, лоси и даже такие далеко не боевые животные, как зайцы, маралы, сайгаки, что свидетельствует о большом разнообразии племенных знаков.

Племена, как будто ведущие происхождение от волка, верили в его сакральную сущность, одевались в его шкуры, заимствовали его боевые манеры и способы охоты, носили амулеты – волчьи клыки и вели себя отважно.

По мере распространения кочевого образа жизни особое обожествление, помимо волка, получил конь. Он воспринимался как животное, имеющее отношение к солнцу, свету, небу и одновременно относящееся к подземному миру, поскольку его хоронили вместе с владельцем. Конь становился существом, внушающим страх вместе со своим всадником [3]. Его обожествление приняло внушительные размеры не только среди кочевников, но и народов Запада.

Обряды, передаваемые поколениям, несли знания о местах обитания и способах размножения животных, об их повадках, о времени запретов и разрешения на охоту, о вегетативном периоде в жизни растений, способах приготовления из них пищи.

Тотемизм переставил акценты с описания мира на его причинное объяснение, а, значит, потребовалась классификация. Тотемические классификации приобрели универсальный характер, охватили все доступные наблюдению явления природы, все стороны человеческой жизни, но они невозможны без абстрагирующей деятельности сознания, которая, естественно, получает дальнейшее развитие. Очевидно, тотемизм положил начало исчислению предметов и простейшим арифметическим действиям.

Фетиш, как и тотем, является неким целым, способствующим идентификации члена общности. Тотем, который мог быть и животным и растением (а мог быть и каким-то другим природным явлением), берет начало из основного рода деятельности людей – охоты (а далее

земледелия – культивирования определенного вида растений, который впоследствии мог стать тотемом общины). Тотемом становится только то животное (растение), которое находится в поле деятельности человека. Охотясь на определенное животное, человек выполняет ритуал, который заключается в облачении в шкуру животного и имитации движения животного; тем самым охотник становится как бы тождественным животному. Снимается же это тождество со снятием шкуры и прекращением танца. Если человек может стать животным, следовательно, животное тоже может стать человеком. Это тождество не временное, а постоянное и естественное. В таком традиционном обществе человек еще не выделяет себя из природы. Животному, которое было основным объектом охоты у людей общины, находилось обозначение. С обозначением (словом) животное выделяется, а вместе с животным выделяется и группа людей, которая на это животное охотится и его поедает; таким образом, группа становится общностью. Обозначение животного, естественно, становилось именем общности, а само животное – тотемом, от которого общность берет начало. В тотеме нет степеней родства, так как он не выражает отношения одного члена рода к другому, а составляет фундамент идентичности всех членов рода.

«В отличие от фетиша, – по словам Дж. Фрезера, – тотемом никогда не является изолированный, единичный объект, но всегда класс объектов, обычно вид животных или растений, и очень редко класс искусственных объектов» [4]. Многие исследователи в этой области придерживаются такого же мнения.

Особенно хотелось бы остановиться на вопросе о стадиях тотемизма. Первоначально возникший тотемизм не предполагал в себе еще табуирования отношений внутри общности. Он выполнял функцию объединения членов рода и позволял поедание своего тотема, вступление в брак между членами одного тотема. С выделением тотема вовсе необязательно появляется экзогамия. Это время предшествует появлению рода. Такая точка зрения обоснована Г. Спенсером и Ф. Гилленом. С течением времени тотем начинает обрастать тотемистическими воззрениями. Появляется мифология, связанная с тотемом, складываются определенные традиции, а вместе с этими традициями возникают табу. Например, и в казахском быту с тотемизмом непосредственно связана и система запретов – табу. Многие из них объясняются почитанием живот-

ных или страхом перед грозными силами природы. Считалось, например, что нельзя убивать белую змею или сову, иначе будет несчастье; нельзя называть волка по имени, чтобы не напал на стадо; нельзя стрелять в лебедей, потому что они – цари птиц; нельзя наступать на кости животных и т.п.

И уже следствием табуирования является экзогамия, вместе с которой появляется первая, упорядоченная имманентно, родовая община с зачатками моральных норм. На этой ступени развития человека тотемизм представляет форму осознания: 1) отличия от остальных человеческих общностей; 2) единства коллектива, в котором действие табу (норм) распространяется на членов коллектива. «В этих традиционных обществах, – по мнению А.П. Огурцова – существовало множество ограничений и запретов, обеспечивающих стабильность жизни общины и каждого ее члена» [5].

Культура архаического общества предстает перед современным исследователем как извращенный мир, так как он (исследователь) подходит к этому анализу с точки зрения своего времени; поэтому он отказывает этому традиционному обществу в «рациональном смысле». Однако для носителей изучаемого типа культуры не важно, как его оценивают, для него такой способ организации культуры естественен (такой эффект наблюдается и в современном мире, когда «чужак» попадает в сложившуюся систему традиционных отношений: европеец в восточной культуре, абориген в европейской цивилизации и т.п.).

Архаическое сознание не различает знак и значение, символ и смысл; они для него совпадают. «Смысл всегда дан в чувственно-конкретном». Говоря словами Эванса-Причарда Э., английского этнографа, архаическое общество «всегда мыслит разумно в идиомах своих верований, но их мысль не способна выйти за пределы этих верований или пойти против них, так как у них нет иной идиомы, которой они не могли бы выразить свои мысли».

По-видимому, является спорным мнение Ю. Смирнова, что «символическая практическая деятельность была вызвана к жизни бессилием практической деятельности. Символический образ практической деятельности возник как иллюзорное практическое восполнение бессилия реального образа практической деятельности. Он появляется как паразит на теле живой человеческой практики. Отнимая время и силы, необходимые для реальной деятельности, паразити-

ческий, иллюзорный образ действия, начиная с самого момента своего возникновения, наносил ущерб развитию живой, реальной практической человеческой деятельности» [6]. Возможно, «символическая практическая деятельность» является все-таки «реальной», а «символический образ» – не «паразит на теле живой человеческой практики», а ее результат, и, следовательно, «время и силы» идут на постижение окружающей действительности. Это аналогично игре ребенка, который, играя, осуществляя символическую деятельность, постигает мир, в который он пришел, и его игра становится уже не символической, а реальной.

Архаический человек зависел от множества случайностей. Эти случайности имели как положительное, так и отрицательное значение. Необычным случайным явлениям приписывалось магическое действие. Объяснению случайности не поддаются, потому человек испытывал к ним страх, а связаны эти случайности с человеческой деятельностью. Впоследствии, магическое проецировалось на предметы и явления.

Появился новый вид веры (отличный от веры в приметы) – фетишизм, предполагавший наличие магических свойств у предметов и явлений внешнего мира. Фетиши были, как отрицательными (например, труп, от которого неявно передавались болезни, поэтому он, и все, что с ним связано, было табу), так и положительными (животное-тотем, который сопутствовал всякой деятельности). Фетиши продолжают жить даже у цивилизованных народов, следуя привычке, которая еще называется традицией.

Особенность архаического фетишизма заключена в том, что такой тип культуры не предполагает сакрализации фетишей. Примеры этому утверждению можно найти в работе французского ученого Шарля де Бросса «О фетишизме»: «Вот факт, который удостоверяют люди, проводившие годы среди дикарей: они гораздо чаще обращаются к своим фетишам не делать им зла, нежели с благодарностью за полученное благодеяние». Более того, фетиши, которые не помогали человеку, низвергались с «пьедестала» и заменялись другими [7]. Для более позднего цивилизованного общества отсутствие трепета к фетишу (предмету культа) Ш. де Бросс приводит пример с императором Августинном, который хотел наказать Нептуна за свое поражение. «Он взирал на него, как на подлинное божество и как на своевольного виновника его поражения. ...Каким безумным должен быть

человек, вообразивший, что он может наказать бога. ...Какая вопиющая непоследовательность иметь подобное намерение, когда действительно веришь в реальность своего божества. Нет такого безрассудства, которое не могло бы уместиться даже в голове мудрого человека».

В архаических обществах, как и в древние времена, так и сейчас, фетишизировались не только предметы, явления природы, но также статус и положение в коллективе. Такая фетишизация была связана с определенными ритуалами. Подробнее об этом сказано у известного английского этнографа, социолога и фольклориста В. Тэрнера в его книге «Символ и ритуал», где такое положение носит название «сила (власть) слабого» или «постоянно или временно сакральные свойства низкого статуса положения». К таковым относится: положение шута, юродивого, ребенка и т.п. Более того, доказательством фетишизации такого статуса является следующее. Когда осуществляется «ритуал перемены статуса» (по В. Тэрнеру); посвящаемый, чтобы получить большую власть, должен попасть под власть «постоянно слабых» (или побывать в их шкуре). Здесь наблюдается противоположность «лиминальности сильных» и «лиминальности слабых». Фетишизм заключается в том, что статус «лиминальности сильного и слабого делает неофита «посвященным», а порог, пройденный им от низкого к высокому, – залог и оправдание всей деятельности в период власти. Лиминальность, по Тэрнеру, – пороговость, которую не следует путать с маргинальностью. Лиминальность времени, порой даже искусственна [8].

Таким образом, можно отметить, что фетишизм способствует, как и тотемизм, идентификации члена общности, а затем – на более высокой ступени – и рода. В этом случае фетиш, как и тотем, является неким целым, которое имеет свою историю (миф). Миф о фетишизируемых объектах и тотеме воспринимается как жизнеописание общности. Вплетаясь в тело культуры, фетиш способствовал социализации архаического человека и постижению природы. Посредством фетиша, тотема и табу регулируются отношения внутри рода. Берущий начало из магии, фетиш выполняет защитную функцию, но при этом не сакрализуется, проявляя свою феноменальность.

Новые фетиши и новая мифология в современной культуре

Для того чтобы фетиши существовали, рациональных доказательств не требуется.

Какие бы изменения культура не претерпевала, фетишизм сохраняется как принцип до сегодняшнего дня, меняются только объекты фетишизации. Фетишизация заключается в наделянии предмета (явления) свойствами, которые ему не присущи. Или более точно (по А. Огурцову) – отождествление общественных функций и естественных свойств предмета. Это же наблюдается и в современном тоталитарном государстве, где все граждане «уравниваются», а затем некоторые из них посвящаются в вожди [9]. Из этого вытекает следующее: в процессе фетишизации происходит овещнение человеческих отношений, которое проявляется не только в опредмечивании, но также в персонификации (культ личности), мистификации слов.

Условием появления и существования фетишей и фетишистского сознания является двойственный характер явлений, вовлеченных в сферу человеческих интересов. Между видимостью и сущностью существует определенная дистанция. Если бы сущность и явления совпадали, наука была бы не нужна (как это было в архаическом обществе до появления науки, когда для автохтона знак и значение совпадали). Там, где дистанция переходит в противоречие между видимостью (явление) и сущностью, видимость приобретает иррациональный характер.

Предмет (явление), будучи фетишем, воплощает в себе некоторые свойства, которые для него не характерны, но представлены человеком. Следовательно, они идеальны по своей природе, однако для человека реальны как некая сила. Здесь в некотором смысле действует закон, который Э. Кассирер назвал законом нивелирования и растворения специфических отличий. «Каждая часть эквивалентна целому, каждый экземпляр – виду или роду как таковому. Каждая часть не только репрезентирует целое, а индивид или вид – род, но он ими не является. Тот, кто управляет какой-либо частью целого, получает в магическом смысле власть над целым» [10].

Человек не оставил себе возможности увидеть сущность за явным, подкрепляя явное мифами, вуалируя человеческие отношения вещными отношениями, которые абсолютизируются. Все это обставляется новыми ритуалами. Сегодня в нашем обществе обозначилась потребность в формировании рынка, основу которого должны составлять отношения между товаропроизводителями. Однако в основу рынка, в действительности, положены отношения между товарами, никем не созданными, а, следовательно, вместо реального рынка появ-

ляется суррогат: псевдорынок со всеми вытекающими последствиями.

Ярким примером вышеуказанному является современная реклама – современная мифология рынка, которая создает фетиши, базируясь в первую очередь на инстинктах (тот или иной товар является отличительной особенностью некоторой группы людей, использующих этот предмет; всякий, приобретающий такой предмет, становится членом указанной группы). Ставка делается не на полезность, а на принадлежность к группе, приобщиться к которой можно, приобретая предмет. Интересно, что виды и подвиды фетишизма создает не наука, а жизнь. Так, появился такой вид фетишизма, как «яблочный фетишизм». Такой термин закрепился среди фанатов фирмы «Apple», выпускающей цифровую технику. Кроме этого, сейчас стремление людей наделять вещи особым смыслом используют в свою пользу «умелые» маркетологи. Так, iPhone можно назвать своеобразным фетишем. Счастливый обладатель боготворит Вещь, считает дни до выхода новой модели и скупает фирменные аксессуары, а корпорация Apple тем временем зарабатывает миллионы и изобретает новые фетиши [11].

Современная культура активно оперирует словами-фетишами типа: «судьбоносные государственные решения», «демократическое государство», «авторитарная система». С системой связано очень много, она обеспечивает, освобождает от ответственности (все равно, что нож дикаря, запятнавший себя кровью священного животного и понесший за это наказание, – утоплен в море). Слова-фетиши гипнотизируют человеческую мысль, не дают критически к ним отнестись, а, следовательно, критически отнестись к самому себе.

Сознание символично, а всякий символ несет в себе информацию. Но символ не может и не должен отождествляться с самым лежащим вне его бытием. Если бы предмет фетишизации рассматривался как символ иного, то мы бы имели дело только с явлением идеального уровня. Но когда предмет со всей его грубой чувственно-воспринимаемой телесностью отождествляется с иным, наблюдается вытеснение отношения идеального и реального псевдо-реальным, и фетиш предстает в своем чистом виде, тогда как в первом случае фиксируется только процесс символизации. Трудность различения фетиша и символа заключается во включенности сознания, обращенного к ним, в культурную систему, где они появляются, развиваются и реализуют-

ся. Только находясь вне данного культурного пространства и времени, можно определить фетишистское в символе. Такое определение, чаще всего *postfactum*, и весьма редко факт для мыслителя, который имеет возможность вырвать себя из данной культурной почвы.

В век тотальной информации человек не только успевает, но и, как правило, не может различить положительное и отрицательное, то есть полярные противоположности. С полным правом появляются теории «исчезновения реальности» Ж. Бодрийара или «ускользающего смысла» Кубачека. «В политике смешалось «левое» и «правое», – писал Ж. Бодрийар, – в средствах массовых коммуникаций – истина и ложь, в мире предметов – полезность и бесполезность, а природа и культура сливаются на уровне сигнификации. Великие гуманистические критерии стерлись в нашей системе образов и знаков». Наблюдается процесс отчуждения результатов теоретической деятельности. Это отчуждение выражает противоречия современного общества, где мистификации еще сложнее, так как они связаны с явлениями, еще более удаленными от сущности общества.

Попытки самоидентифицировать себя приводят человека к парадоксам: он не может оценить себя и свою культуру.

Для культур Запада и Востока общей является маргинализация человека, которая, в отличие

от лиминальности (о которой говорилось выше), является не временным, а постоянным. А.К. Якимович определяет маргинала как человека, утратившего ясное чувство своей идентичности [12]. Символы, которым поклоняется маргинал, т.е. фетиши, «надерганы» из разных культур, на границах коих он пребывает, и потому эти символы-фетиши еще более абсурдны (как абсурдны парламенты без конституции, назначенные мэры и т.п.).

В современную эпоху нет предпосылок для преодоления фетишистского сознания. Для общественной психологии фетиши выполняют защитную и компенсаторную функцию, а миф – это не обязательно история о фетишизируемом объекте, роль мифа выполняет слово, нагруженное определенным смыслом.

В литературе о фетишизме часто ставится вопрос о преодолении фетишистского сознания. Необходимость в преодолении существует, но нет возможности, так как объекты фетишизации меняются, а само явление остается, кочует с одного материального тела на другое. Это изменение «тела» или места фетишизации зависит от того, какие отношения в обществе складываются.

Когда предмет обретает значение «внешнего знака» иного, воспринимаемого только как символ этого иного, то «сознание делает шаг вперед к уразумению сути дела» [13], к преодолению фетишистского сознания.

Литература

- 1 Сербенко Н.И., Соколов А.Э. Кризис культуры как исторический феномен // *Философские науки*. – 1990. – №7. – С. 37-47.
- 2 Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 336.
- 3 Орынбеков М.С. Предфилософия протоказахов. – Алматы: Онер, 1994. – С. 28-30.
- 4 Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1989. – С. 243.
- 5 Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. – М., 1988. – С. 14.
- 6 Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 358.
- 7 Ш. де Бросс. О фетишизме. – М., 1977. – С.98.
- 8 Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983.– 277 с.
- 9 Огурцов А. Фетишизм // *Философская энциклопедия*. – М., 1966. – Т. 5. – С. 324.
- 10 Кассирер Э. Сила метафоры // *Теория метафоры*. – М., 1990. – С. 38.
- 11 Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей: монография. – Калуга: изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 296 с.
- 12 Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // *Вопросы философии*. – 1991. – №11. – С. 17-23.
- 13 Ильенков Э.В. Диалектика идеального // *Искусство и коммунистический идеал*. – М., 1984. – С. 35.

References

- 1 Serbenko N.I., Sokolov A.E. The crisis of culture as a historical phenomenon // *Philosophical Sciences*, 1990. – №7. – P.37-47.
- 2 Semenov Y. How did mankind. – M., 1966. – P.336

- 3 Orynbekov M.S. Predfilosofiya proto. – Almaty: Öner. 1994. – P. 28-30.
- 4 Fraser J. The Golden Bough. – M., 1989. – P. 243.
- 5 Ogurtsov A.P. The disciplinary structure of science. – M., 1988. – P.14.
- 6 Semenov Y. How did mankind. – M., 1966. – P.358.
- 7 Charles de Brosses. About fetishism. – M., 1977. – P.98.
- 8 Turner B. Symbol and ritual. –M .: Nauka, 1983 – 277 p.
- 9 Ogurtsov A. Fetishism // Philosophical Encyclopedia. – M., 1966. V.5. – P. 324.
- 10 Cassirer E. Strength metaphor // The theory of metaphor. – M., 1990. – P. 38.
- 11 Posypanova O.S. Economic Psychology: psychological aspects of consumer behavior. Monograph. – Kaluga: Izd Sh. KE Tsiolkovsky, 2012. – 296 p.
- 12 Jakimovich A.K. Totalitarianism and independent culture // Problems of Philosophy. – 1991. №11. –P.17-23.
- 13 Ilyenkov E.V. Dialectics of the ideal // Art and the communist ideal. – M., 1984. – P. 35.